

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

ЛИНИЯ ФРОНТА

Господи! Почему так хорошо!
И в жару, когда сунешь руку в раскаленный воздух, а потом голову, а потом самоё.

И крики с пляжа, будто со сковороды.
С воплями погружают — кто красное тело, кто белую ногу.

А кто-то под водой взглядом субмарины все это ощупывает.

Из песка вырастают женщины.

Мужчины, как стихи, из мусора и водки.

И поплыли. Вид на человечество снизу.

Зажгли лампы. Почему так хорошо?

И в жару...

И когда налетает ветер и все кричат.

— Мама! Смотри... Нет, не туда.

Наверх...

Огромное черное одеяло натягивают с берега.

Море встречает его темно-зеленым.

Светлая полоса всё уже.

Туда-сюда прокатывается гром.

Крики: это фронт.

Фронт идет!..

Отдельные внутри клубятся облака и ходят по своим орбитам.

Советчики.

Острые вспышки.

Сполохи.

Всё вертится в разные стороны.

А вместе движется на нас.

С теми же воплями выскакивают охлажденные люди.

Уже черная Аркадия, еще белая Лузановка.

Но она уже сломлена и ждет.

Фронт неумолим. С нами уже не говорят — мы в дыму.

Мы неинтересны.

Туда, туда, где люди режутся, ныряют и женщины вырастают из песка и колеблются в воде.

Всё! Мы в плену.

В домах зажались огни.

Мы арестованы в квартирах.

И лишь по телефону:

— Ты понял, Гриша?

— Понял! Понял!

Но где же дождь? Ведь вы же обещали?

Но фронт идет вперед. Не до дождя.

Вот так. Любая власть надует. Ей главное — отнять у нас веселье.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

В автобусе 135 битком.

Едет мрачный народ после работы.

Вдруг водитель заговорил с пассажирами нежно и шуточно:

— Ну, какая будет следующая остановка, кто догадается?

— Лесная, — ответил ребенок.

— Правильно, Лесная. Выходите осторожно: на остановке гололед. Ногами раскатали снежные комки.

Это было так непривычно. Люди улыбались.

Кто открыто. Кто скрывая. Кто опустил лицо в книжку.

И улыбался себе в книжку.

И так стало тепло в автобусе.

И люди заговорили вдруг между собой.

Заговорили о том, что скоро Новый год.

И шампанское дорогое.

И скоро праздник. И кто-то засмеялся.

А кто-то сказал:

— Нет, девушка, это вы напрасно...

— И откуда вы знаете? Может, и мне туда же.

А кто-то сказал:

— А здесь будет баня.

А кто-то сказал:

— Вот сейчас бы — эх!

— Эх, — сказали, — так ведь ванна.

— Разве ванна — это баня?

— Баня — это праздник.

— Баня — это коллектив.

— Баня — это свобода.

— Баня — это мужики.

— В баню идешь одним, выходишь другим.

— А здесь — автобус...

— Да, а баня будет. Лужков сказал, значит, будет.

А мне раньше. Я поднялся и посадил на свое место женщину.

Она была не одна, а с двумя кошелками.

И уговорила, вот уговорила меня на ее кошелки поставить свой тяжелый портфель.

Так мы и наградили друг друга и ехали — кто 20, кто 25, кто 40 минут — без злости и подозрений.

Каждый может стать артистом, когда люди уже собрались.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

Мальчик лет 15, чудный, тихий, начитанный, вышел из дома на часок прогуляться.

И пошли звонки из милиции, из "скорой помощи", из МЧС.

Плохо, что при нем какой-то документ был.

Деньги он где-то добыл.

Так что отпустили.

Он вернулся, прошел тихо к себе, включил торшер и лег книжку дочитать — смешную и поучительную.

Господи! А мы все-то, оказывается, из воды...

И даже наш Президент.

И даже олигархи.

И даже железнодорожники.

И даже генералы.

И даже депутаты.

И, когда одно ведро воды кричит на другое:

— А ты не та вода! Ты живи среди своих!

— У нас вода другая.

— Понаехало чужое H₂O...

А если вода из нас выйдет, останутся 20 кг сухих костей, которым все равно, где валяться и кто на них будет валяться после нас.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

Случай с моим другом А.М. Л.

Они лежали.

Вдруг звякнул замок.

Они вскочили, стали лихорадочно одеваться.

Он полуодетый выглянул на лестничную площадку с носком в руке.

Никого.

Он облегченно обернулся...

В комнате стоял такой же полуодетый мужчина с носком в руке.

Двое с носками в руках.

Тот приехал ночью домой.

Хотел незаметно войти.

Этот хотел незаметно выйти.

20 лет прошло.

Ужас в его сердце до сих пор.

ИСТОРИЯ ВКРАТЦЕ

Он ей очень нравился.

Она позвонила ему и сказала, что у нее есть два билета в театр.

Билеты сейчас дорогие.

Он пошел с ней.

У театра она сказала, что пошутила, что нет у нее никаких билетов.

Он честно сказал:

— Вас сейчас оставить или проводить куда?

Она сказала — оставьте сейчас.

И он ушел.

А билеты у нее, конечно, были...

ПУЛЯ

А не удивительно ли, что такая маленькая пуля убивает человека?

Как изобретательны люди. На таком расстоянии. Неизвестно откуда.

Шальная.

Летают пули вместо пчел. Предупредительный свист.

Он даже не предупреждает, он уведомляет.

И...

Полная тишина наступает в двух случаях.

Если нет всех.

И если нет тебя.

Что по-настоящему совершенствуется?

Спички — не меняются.

Лампы — не меняются.

Велосипед — не меняется.

Оружие — каждую секунду.

И вы хотите, чтобы оно не применялось?

Владимир НАБОКОВ

Пожалуй, никто так не понимал трагическую непередаваемость русских стихов на английский язык, как подлинно двуязычный поэт и писатель — Владимир Набоков. Отчаявшись перевести "Евгения Онегина", он представил англоязычному читателю прозаический перевод, снабженный подробнейшим комментарием. По словам самого Набокова, ради точности он "пожертвовал всем: красотой, благозвучием, ясностью, хорошим вкусом, нормами современного словоупотребления и даже правилами грамматики". А затем написал два стихотворения на английском языке "К переводу "Евгения Онегина". Написал онегинской строфой и отомстил переводческому тупику. Так можно отомстить только самому себе. Английские стихи Набокова почти так же непередаваемы на русский. Автор сделал для этого все возможное — просчитал, проинкопировал, вдоволь поиграл английскими созвучиями и смыслями. В приводимом (переводимом) ниже стихотворении "Вечер русской поэзии" он дает неуклюжие транскрипции особенно невыносимых для американского уха российских слов...

ВЕЧЕР РУССКОЙ ПОЭЗИИ

"...похоже, это наилучший поезд.

Мисс Этель Винтер

с кафедры английского языка

встретит Вас на станции и..."

Из письма, адресованного приезжему лектору

Предмет, что выбран для беседы, тонок,
витаает всюду: круче берега
базальтовые стали, и река
вновь говорит по-русски, как ребенок
сквозь сон, скороговоркой, наугад.
Мой маленький помощник,

слайд проворно

вставляя в фонарь волшебный и лучом

на весь экран высвечивая повторно

мое ли имя, иль иной фантом

славянский. Что ж, благодарю покорно.

Свой алфавит под клекот журавлиный

грек на холмах, коль вспомнишь ты,

и стрелы то в закат, то в ночь метал.

А наше небо, запах древесины

и меда вкус перекроили дивно

и стрелы, и заимствованных птах.

Что, Сильвия?

"Зачем же о словах

мы говорим? Ведь знание важнее".

Затем, что звук слит с формой —

Все неразрывно: жидкость и сосуд,

и мед, и вереск. Радуга есть суть

всех линий, и земля кругла, и с нею

сам русский стих, и звучность

русских гласных

подобна писанкам, цветкам атласным,

в которых золотистый шмель жужжит,

ракушкам, в чьих устах прибой шумит.

Еще вопрос?

"Закон просодии ваших?"

Что ж, Эмми, наш пентаметр для вас

звучит, как ямб хромой,

едва продравший,

а может, так и не продравший глаз

от снов, где важно властвовал пиррихий.

Закрой глаза. Мелодия растет,

и длинно слово среднее; вот стих, и

дикий змеей ползет он; вот

удар, ты слышишь тень другого, бьет

в гонг третий. И четвертый

вздрагнет тихо.

Все это создает чудесный фон,

Неспешно раскрываясь, как бутон

в каком-то фильме, где сюжет не нов.

Но рифма — день рождения стихов.

Есть в русском языке, как и в любом

другом, ты знаешь, близнецы. В альбом

тебе всегда срифмуют кровь

с любовью,

природу со свободой, с голью — боль,

Рифмуют человеческий — вечный, боле

того — с печалью даль, луну —

с чем хошь.

На жизнь и смерть ты рифмы

не найдешь.

Я ржанье существительных своих

гнедых за океаном слышу; шорох

причастий, вниз спускающихся, их

шаги, их поступь мягкую сквозь ворох

листья, как шлейф волоочающейся; iii,

глаголом обтекаемое. Ночи

Алтая, заводь звуков с "и" для лилий.

Бокала звон, который погубила

Ладонь, его накрывшая средь прочих.

"Деревья? Звери?"

Ваш любимый камень?"

Береза, Синтия, Сосна, Джоанна.

Как гусеница там, на высоте,

мое качалось сердце на листе,

давно засохшем, но висевшем сносно.

На цыпочках, как ветер ей велел,

стоит березка стройная. И в соснах

закат горит, как уголья в золе.

А в прозе среди всех зверей порой

лопочет птица бардов — гость ночной,

чье горло, подражая звукам клейким,

журчит, свистит, поет в глуши лесной —

ну, все равно, что призрак или флейта.

Эпитетов граненых не сыскать.

Не нам владеть рубинами Вселенной.

Разделены и грань, и блеск, пока

сокровища сокрыты наши. В ночь

ненастную, все ювелиры, прочь!

Спина, как Аргус. Я опасность чую.

Ползут за мною тени по пятам.

По только что написанным конюют

страницам, оставляя кляксы всуе,

читая в лупу их то здесь, то там.

А в сумерки под окна моей спальни

являются устало, молча ждут

под дверью, и звонками будят память,

и убегают, когда день на сани

садится, отправляясь в зыбкий путь.

Как быстро протекает время. Мнится,

что Пушкин, расстегнувши воротник

дорожного плаща, в карете мчится,

подремывая, мимо вереницы

бесформенно желтеющих rakeet —

кусты у нас такие. Песню тянет

ямщик, и запах трав вдыхает грудь.

И длится небо над землей бескрайней,

И бесконечна песнь, и долог путь.

И вдруг синкопа,

тихий вскрик (Некрасов!).

Одышку тянут слоги за собой.

Навязчиво повторны и ненастны,

иным они милей, чем стих любой.

Влюбленных пара говорит о жизни,

о счастии в растрепанном саду,

где под луной значительней,

чем в жизни,

и дерева, и их сердца в саду.

Страсть расширять понятия присуща